

УДК 327

Поротикова А.В.

alexandra.v.por@gmail.com

Емельянов А.И. – канд. полит. наук

anton.politolog@ya.ru

О признании субъектности и ее легитимации на примере Венесуэлы

Актуальность. Современные политические процессы обусловлены развитием многополярности и регионализации в современных международных отношениях. Одним из недавних примеров регионализации, длившейся более десяти лет, стала Латинская Америка, политические лидеры которой стремились подчеркнуть цивилизационную уникальность региона. Наиболее активную позицию по данному вопросу занимали правительства левого толка. Среди лидеров этого процесса выделялась Венесуэла во главе с президентом Уго Чавесом. Тем не менее, несмотря на ряд достижений (предоставление гражданам обширных социальных льгот, стабилизация экономики) ситуация в регионе стала возвращаться к прежнему положению вещей времен «правых правительств».

В настоящее время Венесуэла продолжает оставаться столпом сопротивления англосаксонскому политико-экономическому курсу, что делает ее объектом воздействия ключевых акторов геополитики, как правило, резкого и категорического. Негативное воздействие извне привело к внутригосударственному политическому и экономическому кризису, а также к разрыву внешних связей с остальным латиноамериканским регионом, обострению территориальных противоречий с соседними Колумбией и Гайаной и угрозе гуманитарной интервенции со стороны США и НАТО.

В сложившейся ситуации решения, принимаемые официальными властями Венесуэлы во главе с Н. Мадуро, вызывают диаметрально противоположную реакцию у мирового сообщества: от поддержки вплоть до обвинений в нелегитимности власти. Венесуэльский вопрос, по сути, разделит мир на две части, которые по-своему истолковывают каждое событие в данной стране. Одни считают, что правительство Венесуэлы имеет право на осуществление избранной им политики, другие говорят об установившемся в государстве незаконном диктаторском режиме и преступлениях, выходящих за пределы норм международного права. Кроме того, обе стороны имеют свое мнение относительно субъектности Венесуэлы.

Проблематизация. Подобная ситуация требует анализа такого феномена мировой политики, как «субъектность государства» и порождает логичный вопрос: каким образом выстроен процесс признания и легитимации субъектности? Это будет рассмотрено на примере ситуации с Венесуэлой, где на данный момент установились два центра власти, законность которых легитимируется разными акторами мировой политики.

Важно подчеркнуть, что сегодня общепринятым является деление государств на оказывающих воздействие акторов и на подвергаемых этому воздействию объектов. Однако подобная градация не всегда отражает реальную действительность в виду того, что существование государства как института само по себе подразумевает его участие в международных отношениях в рамках политического процесса и в делах мирового рынка. По этой причине любое государство априори совершает действие на мировой арене, которое некоторым образом влияет на ход политического процесса.

В этом случае стоит обратиться к другому свойству любого государства, которое присуще ему вне зависимости от степени влияния, оказываемого им на политической арене, а именно к его способности быть субъектом политики. Способность государства быть субъектом политики, то есть участником политического процесса, действующим самостоятельно и в соответствии с собственными национальными интересами, иначе именуется субъектностью. Субъектность государства предполагает, что оно выступает в качестве самостоятельного актора политического действия, а это, в свою очередь, вопрос национальной безопасности и суверенности.

Субъектность как феномен изначально являлась делом философской науки, с течением времени приобретая междисциплинарное значение, постепенно внедряясь и в политическую науку. В то же время в политической науке субъектность использовалась для описания качества отдельного индивида, и редко применялась в характеристике государства как участника мирового политического процесса. Хотя критерии политической субъектности: способность к сознательному политическому действию, рациональность, суверенность политических действий и постоянность политических действий [10, с. 10; 11], могут быть применимы не только к человеку-индивиду, но и к государству. Относительно последнего на данный момент большей частотностью обладает юридическое понятие «международной правосубъектности».

В XXI веке международная правосубъектность государства исходит из того, что обладание статусом субъекта международных отношений, участвующего в делах мирового политического процесса, постулирует необходимость взаимодействия с иными равными по объему полномочий субъектами, а именно с другими государствами. Принимая во внимание факт того, что мировой политический процесс характеризуется в качестве системной совокупности происходящих на международной арене событий и действий, соответствующих статусу и функциям субъектов международной жизни и характеризующих тенденции и перспективы их развития [5, с. 236], то представляется возможным утверждать, что такой процесс нуждается в четкой регламентации, которая осуществляется посредством выработки норм и обязанностей международного права участниками мирового политического процесса, и как результат, взаимодействующими государствами. В этом и заключается легитимация международной правосубъектности государств: как действующие субъекты мирового политического процесса, в целях его регулирования, они вырабатывают ряд норм, которые обязаны соблюдать, при этом данные нормы могут относиться и быть реализованными только самими государствами, что как раз-таки юридически легитимирует их международную правосубъектность.

На практике самым наглядным примером является легитимация международной правосубъектности посредством ООН. Государства-члены, вступающие в ООН, обязаны согласиться с соблюдением пунктов Устава ООН [9], в рамках которого и происходит кооперация данного международного сообщества, и которое было разработано самими государствами-членами. Таким образом, все государства-члены ООН автоматически признаются полноправными обладателями международной правосубъектности. Легитимация посредством ООН международной правосубъектности государств-членов подразумевает равные условия для участников. По этой причине можно составить гипотезу о равенстве возможностей всех членов ООН на мировой арене, так как это заложено в Уставе ООН.

На практике наблюдается явный диссонанс между декларируемым де-юре и имеющейся де-факто субъектностью, так как суверенность и независимость политической активности некоторых отдельно взятых государств подвергается сомнению. Случай с Венесуэлой, в свою очередь, показывает, что на субъектность данного государства пытаются оказывать влияние и другие акторы, не согласные с избранной Венесуэлой политикой.

Появляется необходимость в регламентации феномена субъектности государства. Возникает вопрос: если международная правосубъектность государства легитимируется юридическим аспектом, то в каком случае и что именно легитимирует саму субъектность государства на мировой арене? Могут ли быть применены критерии, регламентирующие субъектность индивида, к государству?

Высокий уровень субъектности предопределяет независимость действий государства на мировой арене, позволяет ему осуществлять активность, базируясь исключительно на национальном интересе. Венесуэльский вопрос показывает, что субъектность государства истолковывается в разных плоскостях, и сегодня оказывается серьезное давление со стороны других участников международных отношений.

Цели исследования. Основными целями данной работы является изучение феномена субъектности и применение ее критериев на примере Венесуэлы. Также необходимо рассмотреть процесс признания, легитимации субъектности Венесуэлы иными акторами.

Методы исследования. Для осуществления исследовательской работы были использованы методы контент-анализа и интент-анализа, метод сравнительного анализа, а также теоретический анализ научной литературы и иных источников информации по исследуемой проблеме.

Задачи. Вследствие поставленных целей важно выполнить ряд задач.

Во-первых, дать первичную качественную характеристику феномена субъектности и ее критериев по отношению к государству как к субъекту политики.

Во-вторых, осуществить отбор наиболее наглядных событий настоящего венесуэльского кризиса для изучения уровня субъектности данного государства. Для осуществления данной задачи предлагается рассмотреть некоторые события во внутренней и внешней политике, а также ход территориального спора изучаемого субъекта с Гайаной.

Изучение именно государств Латино-Карибской Америки имеет принципиальное значение, так как данный регион исторически рассматривается в качестве объекта международного влияния, где ведущую роль играет такой актор как США. В прошлом веке США осуществили около 40 прямых и не прямых интервенций во внутренние дела государств региона [4], что представляет собой фактическое пренебрежение фактом суверенности этих государств, подрывающее их субъектность, так как они находились в зависимости от действий США.

В-третьих, в связи с тем, что в данной работе анализируются территориальные споры Венесуэлы с Гайаной, то представляется возможным рассмотреть Гайану со стороны проявления ею субъектности в ходе межгосударственного конфликта.

В-четвертых, по ходу решения первых трех задач стоит отследить факторы признания и легитимации субъектности государства иными акторами.

О феномене субъектности и ее критериях. Согласно исследователю Р.Д. Хунагову, «политическая субъектность – это, с одной стороны, способность к сознательному удовлетворению собственных политических потребностей через влияние на другие

социальные единицы, а с другой, их удовлетворение путем применения политической активности и осуществления политического действия» [10, с. 6]. Данное определение применимо к индивиду как субъекту политического действия, однако, в то же время может быть применено и по отношению к государственному образованию.

Так, в качестве потребности, которая объективно стоит перед государством, выступает национальный интерес, то есть значимые задачи и цели, которые стоят перед государством и руководящим правительством. В роли социальных единиц, на которые государством будет оказываться влияние посредством инструментов политического влияния для достижения национального интереса выступает все население как внутри самого государства, так и за его пределами.

Под политической активностью, согласно Кэмбриджскому словарю, понимается работа группы или организации для достижения цели [1]. На государственном уровне такой организацией является само правительство и его структуры, осуществляющие внутреннюю и внешнюю политику, что представляет собой политическое действие.

Рассмотрим *основные критерии* политической субъектности:

1. Способность к сознательному политическому действию. Осознанный характер политического действия государства выражается в том, что оно всегда несет в себе конкретику в виде политического действия ради достижения цели – реализации национального интереса.

2. Рациональность. Здесь на государственном уровне важно получение максимальной выгоды от осуществляемой на мировой арене активности, а также от проводимой внутренней политики.

3. Суверенность политических действий. В этом случае подчеркивается важность независимой от других субъектов внутренней и внешней политики, что и определяет реальную суверенность государства.

4. Постоянность политических действий. Активная вовлеченность государства в события мирового масштаба превращает его из субъекта международных отношений в действующего актора и не дает перейти на позиции объекта [10, с. 10-11].

Основываясь на факторах, перечисленных выше, феномен субъектности становится присущим не только к человеку как субъекту политики, но и государству.

Как утверждалось ранее, поддержание высокого уровня субъектности становится вопросом национальной безопасности, так как предполагает суверенность политического действия и независимость решений, принимаемых во внутренней и внешней политике.

Мировой политический процесс привел к тому, что были учреждены такие международные организации, членство в которых непосредственно влияет на политику государства. Как пример, одной из указанных организаций выступает ЕС. Участие в этом сообществе предполагает передачу национальным государством некоторых суверенных прав Европарламенту и другим органам управления ЕС. Однако, как утверждает исследователь А.И. Конуров: «Данное делегирование полномочий не приводит к размыванию или ликвидации государственного суверенитета, так как если бы решения, например, ЕС шли бы в разрез с интересами государства, то оно бы прекратило свое членство в организации» (как пытается сделать Великобритания, проводя BREXIT) [7, с. 147]. Таким образом членство в подобных организациях фактически способно привести к снижению уровня субъектности, так как государство начинает координировать свои действия в соответствии с интересами

наднациональной организации, теряя свою самостоятельность в этом вопросе, придавая своим национальным интересам второстепенную важность. В отношении же Латинской Америки важно учитывать, что регион всегда рассматривался США как своего рода «вотчина», где они вольны делать что угодно, признавая или не признавая субъектность и легитимность кого-либо по своему усмотрению, в соответствии со своими интересами и в рамках своего глобального проекта [6].

О субъектности Венесуэлы во внутренней политике. Далее, как было определено ранее в целях и задачах, стоит перейти к рассмотрению субъектности Венесуэлы. Для этого будет рассмотрена политическая и экономическая активность правительства государства во внутренней и внешней политике в период с 2018 г. до конца января 2019 г., когда в государстве образовался второй источник принятия государственно-важных решений. Стоит также коснуться роли «альтернативного правительства» Х. Гуайдо в этом процессе.

Говоря о субъектности внутренней политики правительства Н. Мадуро, можно предположить, что действия официального руководства в выбранный период времени избежали постороннего влияния как и в экономической сфере, так и в собственно политической сфере.

Несмотря на очевидную малоэффективность экономических мер в период с 2008 по 2018 гг. (наращивание добычи нефти, разработка и начало продаж национальной криптовалюты, в том числе с возможностью ее покупки за рубли и юани, замена основной национальной валюты – венесуэльского боливара – на суверенный боливар, отмена НДС на лекарства и др.), все они производились на базе возможностей внутреннего экономического потенциала без участия международного капитала, ввиду жестких экономических санкций со стороны США и ЕС. Нежелание правительства Н. Мадуро принять условия внешних акторов в вопросах дальнейшего развития экономической модели Венесуэлы, тем не менее требовало от властей нахождения внутренних ресурсов и политической воли для выхода из кризиса. Таким образом, власти продолжили не стали проводить институциональные изменения социально-ориентированной политики и развития в рамках государственной идеологии построения социализма в XXI веке.

Применяя критерии субъектности, важно отметить, что во внутренней экономической политике присутствовала осознанность политического действия, целью которой было предотвращение гиперинфляции, и суверенность политических действий, так как экономическая политика не была продиктована какой-либо посторонней организацией, например, МВФ или ВБ, а также постоянность политических действий, так как имели место совершение разноплановых шагов по стабилизации экономики.

Под сомнение можно поставить рациональность политического действия, так как конечная цель – сокращение темпов гиперинфляции – не была достигнута, что ставит вопрос целесообразности государственной стратегии официальных властей Венесуэлы, а также допускается мысль об изначальной недалёковидности правительства Н. Мадуро ввиду того, что венесуэльский кризис не может быть ликвидирован, прежде всего, без относительной политической стабилизации государства. Кроме того, остается большим вопросом возможность выхода из кризиса собственными силами без внешней помощи.

Что касается политической стороны вопроса в 2018 – 2019 гг. (до 23 января 2019 г., когда Хуан Гуайдо провозгласил себя исполняющим обязанности президента Венесуэлы), то здесь стоит выделить очевидную самостоятельность предвыборной кампании и

политических действий Н. Мадуро в данный период времени, несмотря на перманентное давление, оказываемое на него извне. 2018 год был ознаменован выборами президента, и, конечно, население ожидало принятия конкретных мер в экономической сфере, равно как и нахождения консенсуса между Н. Мадуро и оппозицией, что не произошло. Убийство лидера повстанцев, бывшего офицера полиции, которому инкриминировался обстрел здания МВД Венесуэлы и угон вертолета – Оскара Переса, обвинения со стороны Н. Мадуро в адрес оппозиции в действиях в интересах потенциального противника, Колумбии, а также США и Испании не способствовали решению данной задачи. Тем не менее, вопреки бойкоту президентских выборов 2018 г. главными оппозиционными партиями Венесуэлы, контролирующими Парламент, выборы президента все же состоялись, и Н. Мадуро одержал победу с 68 % голосов избирателей.

Важно акцентировать на реакции мирового сообщества на данное событие. Как известно, около 22 государств признали Н. Мадуро президентом Венесуэлы, другие воздержались от этого, чтобы в дальнейшем признать и поддержать либо Х. Гуайдо, либо оппозиционный Парламент во главе с ним.

Таким образом, можно говорить о том, что произошел раскол в вопросе признания и легитимации субъектности Венесуэлы и ее политического курса во внутренней и внешней политике, так как со стороны субъектов, декларирующих режим Н. Мадуро диктаторским, его активность и действия его сторонников ставится вне закона, потому что они пренебрегают нормами международного права. Логичным следствием явилось то, что проявление субъектности Венесуэлы, осуществляемые правительством Н. Мадуро, не признаются государствами, выступившими в поддержку Х. Гуайдо. Одновременно субъектность политического действия Х. Гуайдо признается ими легитимной, ввиду того, что, с их точки зрения, Х. Гуайдо – представитель законодательной власти, а, значит, действует легитимно в интересах народа, в то время как Н. Мадуро, представляя исполнительную ветвь власти, узурпирует власть, исходя только из личных соображений и идеологических догматов, соответственно, он не представляет интересы Венесуэлы на мировой арене, и о проявлении государственной субъектности в данном случае говорить невозможно.

В тоже время в Венесуэле действующим и признанным остается правительство во главе с Н. Мадуро, субъектность политического действия которых признается и легитимируется 22 государствами, в то время как действия Х. Гуайдо трактуется ими как попытка незаконного государственного переворота и призывом к экстремизму и гражданской войне.

О субъектности во внешней политике на примере территориального спора Венесуэлы и Гайаны. Далее стоит рассмотреть проявление субъектности во внешней политике на примере территориального противоречия Венесуэлы и Гайаны. Территориальный спор обозначенных государств продолжается уже на протяжении десятилетий. Сейчас, во время политической нестабильности Венесуэлы, произошло его критическое обострение, хотя еще в 2000-х он не имел такого резкого характера.

Диспозиция состоит в том, что Венесуэла претендует на часть спорной территории Гайаны, именуемой «Гайана-Эссекибо». В водах, прилегающих к этой территории, находится крупное месторождение нефти. Зная об этом, Гайана в одностороннем порядке разрешила американской нефтедобывающей компании «ExxonMobil» (чья собственность в

Венесуэле была ранее национализирована в соответствии с решением правительства страны) проводить в них работы, хотя формально территории оставались спорными [2; 3]. В ответ на действия правительства Гайаны, Н. Мадуро усилил военное присутствие на границе государств, в одностороннем порядке определив акваторию Колумбии в Венесуэльском заливе, что и стало причиной обострения территориального спора с Колумбией в Венесуэльском заливе.

Если рассматривать территориальный спор с точки зрения субъектности, то Венесуэла, находясь в условиях частичной изоляции и перманентного давления со стороны Организации американских государств (ОАГ), а также под угрозой вторжения с целью смены режима, обеспечила данным шагом военной контроль над наиболее важными пограничными объектами, что отвечает критериям рациональности, осознанности и суверенности политического действия. Данный шаг полностью отвечает задаче обеспечения суверенности государства и контроля территорий, то есть является шагом по обеспечению национальной безопасности.

В то же время, при сопоставлении критериев субъектности в связи с решением Гайаны передать де-факто, еще не подлежащие ей территории, третьей стороне, возникает ряд противоречий.

Во-первых, политический вес Гайаны на мировой арене в некоторой степени не позволял в одностороннем порядке, игнорируя подвешенность территориального вопроса с Венесуэлой, разрешать нефтяной компании США начинать работы на этих территориях. Сомнительно, что правительство Гайаны полностью осознанно приняло подобное решение только лишь из-за экономических предпочтений США, зная, что это приведет к росту напряженности на собственных границах и к возобновлению конфликта с Венесуэлой. *Во-вторых*, это порождает сомнение в рациональности данного поступка, так как экономическая выгода, которую получает Гайана не сможет восполнить действительный экономический потенциал территорий Гайаны-Эссекибо, к тому же напряженность на границах государства вряд ли может отвечать интересам по обеспечению национальной безопасности. *В-третьих*, суверенность политического действия: предоставление права на добычу национального дорогостоящего ресурса одной из самых крупнейших нефтедобывающих компаний в мире, при учете уровня экономического развития Гайаны в сравнении с США, означает установление жесткого инструмента экономической зависимости государства от деятельности корпорации ExxonMobile, а, следовательно, и от США. Критерий перманентности политического действия в данном случае также подлежит критике. Это выражается в том, что в делах мирового политического процесса Гайана чаще всего принимает участие в составе коалиции государств Карибского сообщества, это, как было обозначено ранее, означает, что политические действия, совершаемые Гайаной в рамках Карибского сообщества, не являются самостоятельными, что снижает уровень субъектности.

В своей оценке текущих событий Сообщество Карибских государств при поддержке США неоднократно заявляли, что территории Гайаны-Эссекибо находятся под суверенитетом Гайаны [2; 3], параллельно осуждая Венесуэлу в усилении контроля на границах. Таким образом, Карибское сообщество и США, признавая принадлежность Гайаны-Эссекибо за Гайаной, снимали вопросы об осознанности, рациональности и суверенности действия Гайаны, так как, согласно их заявлению, Гайана лишь распоряжалась собственными территориями по собственному усмотрению. Так, фактически Карибское

сообщество и США легитимировали субъектность Гайаны в вопросе осуществления управления спорными территориями, де-юре ей не принадлежавшими.

О том, что эти территории не принадлежали Гайане, вследствие чего США и Карибское сообщество не могли делать подобное заявление говорит то, что в 2018 г. Генеральный Секретарь ООН Антониу Гутерриш распорядился передать дело под юрисдикцию Международного Суда ООН для установления принадлежности территорий, так как при посредничестве ООН значительного прогресса в этом деле достигнуто не было.

Таким образом, в территориальном споре Гайаны и Венесуэлы США и Карибское сообщество (при выраженной зависимости позиций от политической линии Вашингтона) выступили в качестве акторов, легитимирующих субъектность Гайаны, хотя в данном конфликте только Венесуэла продемонстрировала реальную политическую субъектность, принимая меры по обеспечению безопасности границ собственных территорий, а не в интересах частного капитала, в то время как Гайана отказалась от идеи национального суверенитета в вопросе решения судьбы данной области.

О признании и легитимации субъектности иными акторами. В качестве вывода можно отметить ряд факторов легитимации субъектности государства иными акторами на основании ситуации с Венесуэлой.

Сам процесс легитимации субъектности государства, то есть способности осуществлять самостоятельное политическое действие, иными акторами зависит от признания ими законности текущей власти в этом государстве. Если правительство субъекта рассматривается членами мирового сообщества в качестве диктаторского режима, то автоматически политическое действие режима не соотносится в глазах мирового сообщества с критериями осознанности, рациональности и постоянства политического действия, так как диктаторские режимы рассматриваются как антидемократические, импульсивные, нарушающие права граждан, формы правления, то есть политическое действие диктаторского режима не может удовлетворять национальным интересам и не может являться формой проявления субъектности государства.

В то же время стоит учитывать исключения из этого правила, которые выражаются в особом положении таких государств, как Китай или Саудовская Аравия, которые не являются представителями демократических политических режимов. Несмотря на вопросы со стороны различных общественных организаций в вопросах соблюдения прав человека и гражданина, они остаются важными региональными субъектами и в отношении с ними США приходится договариваться, не применяя столь активных угроз, как в ситуации с Венесуэлой. Данный факт является проявлением двойных стандартов в мировой политике, которые становятся нормой современного международного права.

Венесуэльский вопрос продемонстрировал, что при наличии двоевластия, при котором ни у одной из сторон нет полной поддержки на мировой арене, происходит раскол в трактовке активности государства в международной среде. Заявления Х. Гуайдо об одобрении санкций США против сторонников Н. Мадуро могут трактоваться как сближение самопровозглашенных властей Венесуэлы и США, а обвинения Н. Мадуро во вмешательстве США во внутренние дела Венесуэлы – как угрозы диктаторской Венесуэлы развязать войну.

В свою очередь, территориальный спор Гайаны и Венесуэлы показал, что политическое действие признается легитимным иными акторами, если доказано, что данное действие было актом распоряжения суверенного государства своим объемом полномочий в

соответствии с собственным национальными интересами, источником которых является народ. Иными словами, называя спорные территории Гайаны-Эссекибо частью Гайаны, Карибское сообщество и США снимали существовавшее противоречие, заключающееся в игнорировании спорного статуса территорий и распоряжении ими в своих интересах.

В заключение подчеркнуть, что для определения реального уровня политической субъектности государства, необходимо рассматривать каждое политическое действие субъекта с позиции его соответствии реальному национальному интересу государства, а также с позиций сохранения суверенитета государства на мировой арене. Именно такой подход позволит определить истинное различие в вопросе идентификации субъектности государства в мировом политическом процессе, учитывая многочисленные витиеватости трактовки международного права и влияния отдельных акторов мировой политики на принятие решений государствами, являющимися исключительно объектами мировой политики.

Литература

1. Activity [Электронный ресурс] // Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/activity> (дата обращения: 20.04.2019).
2. Guayana Esequiba: nuestros compatriotas esequibanos [Электронный ресурс] // El Nacional. URL: http://www.el-nacional.com/noticias/columnista/guayana-essequiba-nuestros-compatriotas-essequibanos_265901 (дата обращения: 20.04.2019).
3. Guayana Esequiba: no basta lo declarativo [Электронный ресурс] // El Nacional. URL: http://www.el-nacional.com/noticias/columnista/guayana-essequiba-basta-declarativo_264701 (дата обращения: 20.04.2019).
4. Harvard review of Latin America. United States Interventions [Электронный ресурс] // Revista. URL: <https://revista.drclas.harvard.edu/book/united-states-interventions> (дата обращения: 20.04.2019).
5. Аджиб Ш., Волков Я.В. Мировой политический процесс и специфика его развития в ближневосточном регионе // Власть. 2016. Т. 24. № 12. – С. 236-240.
6. Белозёров В.К. Истоки и перспективы глобального американского проекта // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 1. – С. 126-134.
7. Конуров А.И. Глобальная политическая субъектность и ее влияние на суверенитет государства // Вестник Военного университета. 2010. № 1 (21). – С. 147-151.
8. Макарычев А.С. Суверенитет, власть и политическая субъектность: две линии критической теории // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. Т. 6. № 4, 2010. С. 22-52.
9. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения: 20.04.2019).
10. Хунагов Р.Д. Политическая субъектность: философско-политический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 1996. – 20 с.